

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Тата Шу  
СУДЬБА  
БАРОНА

Тата Шу  
**Судьба Барона**

«Автор»

2026

## **Шу Т.**

Судьба Барона / Т. Шу — «Автор», 2026

Он — капитан второго ранга, старпом атомной подводной лодки. Железный офицер, которого за выдержку и хладнокровие сослуживцы прозвали Бароном. Она — девочка из соседнего дома, которую он когда-то носил на руках. Разница в возрасте, разные миры и пропасть в двадцать лет — такова цена, которую платят за право быть рядом. Когда прошлое неумолимо настигает, а будущее требует выбора, герою предстоит понять: готов ли он пожертвовать карьерой ради любви, преодолеть предрассудки и стать тем, кто сможет дать ей счастье. Но так ли просто сломать стереотипы, когда на кону — честь семьи и вековые устои?

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Тата Шу

## Судьба Барона

### Глава 1

Капитан второго ранга Давид Керимов приехал в Севастополь. Для него это был не просто город, а место силы — здесь, на Северной стороне, пахло морем и детством, здесь заканчивал Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова, отсюда уходил в большую военно-морскую жизнь. В груди гудела странная пустота: дома, в родных стенах, его никто не ждал. Бабушки и деда, вырастивших его, уже не было.

История Давида началась до его рождения — жарким летом 1980 года. Восемнадцатилетняя Алсу Керимова, младшая дочь в семье крымских татар, уломала отца отпустить её в Москву на Олимпиаду. Юртер Раитович скрепя сердце согласился: дочь была упрямой, с характером, да и как не пустить? Столица, праздник, весь мир смотрит на Советский Союз.

Вернулась Алсу не одна. Под сердцем она везла Давида.

Кто возьмет замуж крымскую татарку, мусульманку, с «животом» да ещё от неизвестно кого? Никто. Улица гудела, соседи судачили, в общине осудили. Отец Алсу, молчаливый и работающий мужчина, не реагировал. Всевышний не дал им с Айше сыновей, только трёх дочерей, и вот младшая, любимица и строптивица принесла такую «радость». И когда Алсу, глядя на отца своим непокорным взглядом, заявила, что имя сыну даст в честь его отца Давид и отчество пропишет Давидович, Юртер лишь кивнул.

Давид родился здоровым, крикливым богатырем с оливковой кожей, чёрными, как смоль, волосами и карими глазами. Отца своего он не знал. Поговаривали, что тот был испанцем, туристом, закрутившим на Олимпиаде мимолетный роман с южной красавицей. А в те времена связь с иностранцем была делом не просто постыдным, а политически неблагонадежным. Если бы узнали где надо — могли быть большие неприятности и для Алсу, и для всей семьи. Но пронесло.

- Суннет ему делать не дам, — твёрдо отрезала Алсу, когда мать завела разговор о традициях. — Его отец не мусульманин. Лучше из дома сбегу, чем позволю.

И никто не посмел перечить.

Старшие сестры давно вышли замуж по обычаю, жили своими домами. А Алсу с маленьким Давидом жили с родителями. Жили в частном доме на Северной стороне, где к морю нужно было спускаться по тропинкам среди выгоревшей на солнце травы.

Давид рос спокойным молчуном. Но когда в детском саду и во дворе его дразнили «безотцовщиной», то обидчикам быстро давали отпор его кулаки. Мать он боготворил. А мать, несмотря на пересуды, расцветала. Неожиданно для всех Алсу встретила своё счастье. Моряк дальнего плавания, русский парень по имени Саша, не побоялся ни её прошлого, ни ребёнка, ни косых взглядов. Он полюбил Алсу искренне.

Перед свадьбой Юртер Раитович отвел будущего зятя в сад.

- Саша, — начал он, глядя куда-то в сторону моря. — Ты человек хороший. Алсу тебе своих детей родит. А Давида Давида оставьте нам. Он у нас волчонком тут растёт, я ему вместо отца все эти годы был. Ты в море уходишь будешь, а он без мужика в доме от рук отобьётся. Пусть всё остаётся как есть. Ему здесь родной дом.

Саша, подумав, согласился. Так в десять лет Давид окончательно остался с дедом и бабушкой. Когда отчим уходил в море на долгие месяцы, мать перебиралась в родительский дом. Но она долго не могла забеременеть в браке. И отчим стал возить её по клиникам в

Москву. Потом когда они уже отчаялись стать родителями и отпустили ситуацию, родилась девочка — сводная сестра Давида, которую он видел редко.

Высшее военное училище стало его судьбой. Отчим, узнав, что пасынок метит в моряки, одобрил и даже помог советом. Отношения были равными — не до тесной дружбы, но со взаимным уважением. Мальчик из крымско-татарской семьи с испанскими корнями становился русским морским офицером.

После училища дорога Давида лежала на Северный флот. Высокий, широкоплечий, с цепким взглядом карих глаз, он сразу выделялся среди сверстников-лейтенантов. Но на подводной лодке внешность ничего не решает. Там проверяют другим.

Служба началась с жёсткого отбора. В экипаж атомного ракетного крейсера брали не всех. Командир, старый морской волк, лично беседовал с каждым прибывшим офицером. Давиду он задал только один вопрос:

- Чего ты боишься, лейтенант?

- Глупости своей и чужой, товарищ командир, — ответил Керимов, не раздумывая.

Командир усмехнулся в усы и кивнул:

- Годишься.

Первое погружение запомнилось на всю жизнь. Лодка уходила на сто метров, и по традиции всех, кто впервые опускался на глубину, посвящали в подводники. Здоровенный механик с мозолистыми руками, отвинтил плафон — тот самый, что висит над столом в кают-компании, налил туда ледяной забортной воды.

- Пей, лейтенант, теперь это твоё крещение.

Давид выпил, не поморщившись, хотя соленая вода обожгла горло. Экипаж загудел одобрительно. С этого момента он стал своим.

В замкнутом пространстве лодки люди раскрываются быстро. Здесь невозможно притвориться, невозможно спрятаться за чином или должностью. Четыре часа вахты — четыре часа сна — и снова вахта, и так месяцами. Вокруг одни и те же лица, воздух с запахом солянки, металла и пота, влажность, от которой не просыхает одежда. В таких условиях либо сходишь с ума от раздражения, либо становишься братом каждому, кто рядом.

Давид стал братом. Матросы его уважали. Не за побрякушки — побрякушек он не давал никогда. За справедливость. За то, что мог встать на вахту вместо заболевшего, за то, что в горящем отсеке, случилась беда, он не полез первым в спасательный аппарат, а пропустил вперед самого молодого. Взаимовыручка на флоте — не красивое слово, а условие выживания.

К тридцати пяти годам капитан второго ранга Керимов был старшим помощником командира. Должность, на которой не спрячешься за чужие спины. Он отвечал за всё: от боевой подготовки экипажа до настроения в кают-компании. Командир подводной лодки, прослуживший с ним не один год, говорил про Давида: «Керимов — кремень. У него внутри свой гироскоп, который всегда показывает ноль отклонения. Такой за спиной — как каменная стена».

Давид обладал редким качеством — абсолютным спокойствием в нештатных ситуациях. Когда однажды в пятом отсеке сработала аварийная сигнализация, он первым оказался там, оценил обстановку за десять секунд и отдал команду, которая предотвратила развитие серьезной неполадки. Потом выяснилось: отказал датчик, ложное срабатывание. Но пока шла проверка, пока матросы метались, не понимая, что происходит, Давид уже держал ситуацию под контролем. Старпом не имеет права на панику — у него под началом полторы сотни человек, которые смотрят на него в любую секунду.

Офицеры замечали в нем редкую интуицию. Он чувствовал лодку, как чувствуют живое существо. По едва уловимой вибрации корпуса, по изменению гула турбин, по запаху в отсеках мог определить неполадку раньше, чем срабатывали приборы. Механики говорили:

- У Керимова нервы из троса сплетены.

Но они ошибались. Нервы у него были обычные, просто он умел их прятать глубоко внутри, туда, где никто не увидит.

В долгих автономках, когда лодка по полгода не видит берега, самое тяжелое — не вахты и не теснота, а тишина в эфире. Когда лодка приходила из похода, Давид сразу звонил матери. Письма из дома приходят раз в полгода, если повезёт. Давид получал конверты с севастопольским штемпелем. Писал ему только Батар Ахметович. Сосед выводил неровные строчки: «Дом твой цел, присматриваю. Сафие привет передаёт, учится хорошо». И когда в конце письма появлялась приписка кривыми печатными буквами «Дядя Давид, приезжайте скорее, мы скучаем», он перечитывал эти строчки по нескольку раз.

В минуты затишья, когда лодка лежала на грунте и весь экипаж, кроме вахтенных, спал, Давид лежал в своей каюте, смотрел в низкий потолок и думал о доме, в котором не был два года. О море, но не этом, холодном и сером, а о теплом, черноморском. О запахе чабреца на Северной стороне. О голосе деда Юртера: «Ты у нас волчонком вырос, внук. Волчонком и останешься». Иногда он ловил себя на мысли, что представляет, какой выросла та соседская девчонка, которой он возил куклы и конфеты. Представлял и тут же одергивал себя: глупости. Ей пятнадцать, ему тридцать пять. Старпому атомного крейсера не пристало думать о такой ерунде.

На флоте его за глаза прозвали «Барон» — за внешность, за сдержанность, за то, что никогда не повышал голоса на подчиненных. Если матрос ошибался, Давид молча смотрел на него своими карими глазами, и провинившийся готов был сквозь землю провалиться. Однажды молодой матрос-срочник, заступив на вахту, перепутал тумблеры. Чудом не случилось беды. Другой бы офицер разнёс парня в пух и прах, нарядами завалил. Давид отвёл его в угол, положил руку на плечо и сказал тихо:

- Ты здесь не один. Твоя ошибка — наша общая смерть. Запомни это раз и навсегда.

Парень запомнил. И через год, когда на учениях случилась нештатная ситуация и нужно было лезть в холодный отсеk устранять неисправность, этот матрос вызвался первым, потому что знал: старпом Керимов тоже не отсиживается в тепле.

Командир дивизии, приезжавший с проверкой, как-то сказал:

- Хорошо у тебя ребята работают, Керимов. Видно, что за тобой пойдут.

Давид только козырнул: стараемся, товарищ адмирал. А про себя подумал: за ним-то пойдут, а вот сам он за кем идет? Домой тянет, в Севастополь. Там пустой дедов дом, старый сосед, которому помощь нужна, и девочка, ставшая вдруг такой далекой и такой... чужой? Нет, не чужой. Своей. Слишком своей, чтобы думать о ней спокойно.

До отпуска оставалось две недели. Давид знал: этот приезд будет особенным. Он сам не понимал почему, но внутри росло странное предчувствие. Будто что-то должно измениться. Будто дом ждёт его не просто так, а с чем-то важным.

Лодка несла свою вахту глубоко под водой, а старпом Керимов смотрел на приборы и считал дни до встречи с тем, что когда-то оставил. И не знал ещё, что нынешний отпуск перевернёт всё.

## Глава 2

В соседнем доме жили Меметовы. Батар Ахметович и Агдалия Джалаловна. У них был только один ребенок — сын Рефат, ровесник Давида. Мальчишки дружили не разлей вода: вместе лазали по скалам, ловили бычков в море, вместе вступали в драки «стенка на стенку» с пацанами с соседней улицы. Рефат был для Давида братом, которого у него никогда не было.

Но дороги разошлись. Давид ушёл в училище, потом на флот. Рефат остался на гражданке. Дружба, однако, не угасла. Встречаясь в редкие отпуска, они сидели на берегу и молчали, понимая друг друга без слов.

Когда Давиду было почти двадцать, Рефат женился. По обычаю. Ему сосватали молоденькую татарочку из далёкого посёлка. Вскоре она родила темноглазую, черноволосую девочку, которую назвали Сафие. Но семья у Рефата не сложилась. Страна разваливалась, работа стала далекой и опасной. Рефат устроился на старое рыболовецкое судно, которое уходило в рейсы на месяц-другой. В один из таких рейсов судно попало в шторм и затонуло. Рефат и вся команда не вернулись.

Молодая жена, оставив годовалую Сафие свёкру со свекровью, исчезла из их жизни так же быстро, как и появилась. Батар Ахметович и Агдалия Джалаловна остались с внучкой на руках.

Давид, узнав о трагедии, приехал в отпуск домой. Глядя на крошечную девчушку, которая совсем не понимала, почему дед и бабушка плачут, он почувствовал что-то острое и знакомое. Эта девочка была такой же, как он когда-то. Без отца. Да ещё и без матери. Чужая среди своих? Нет, она была своя.

С тех пор каждый свой отпуск Давид начинал с того, что заходил к Меметовым. Он привозил Сафие гостинцы: конфеты, которых в севавтопольских магазинах днём с огнём было не сыскать, красивую куклу, потом книжку с картинками. Бабушка Давида, Айше Яшаровна, видя, как мается девочка, брала её под свое крыло. Дома-то стояли рядом. Сафие приходила к ним учиться стряпать чебуреки, месить тесто для кутежа. Старуха Керимова учила её быть хозяйкой, водила в свою кухню, пахнущую тмином и жареным луком.

Время летело незаметно. Не стало сначала Агдалии Джалаловны, потом один за другим ушли дед и бабушка Давида. Давид к тому времени уже прочно стоял на ногах, но в пустом родном доме чувствовал себя чужим.

И вот он приехал в очередной отпуск — тридцать пять лет, неженатый, морской волк. Женщины у него были, и не одна. Красивые, разные, они готовы были на всё, лишь бы поставить штамп в паспорте. Жгучий брюнет, высокий, широкоплечий, с пронизывающим взглядом, он сводил их с ума. Но Давид не спешил. Поговорка «Не хочу рогатым ходить» по умолчанию, стала его жизненным кредо.

В дверь постучали. На пороге стояла девушка с подносом, накрытым белым полотенцем. Тёмные волосы забраны в тугую косу, глаза — чёрные, огромные, с поволокой, точь-в-точь как у Рефата. Тонкие черты лица, ещё по-детски округлые, но уже обещающие настоящую красоту.

- Дядя Давид, — голос у неё оказался тихим и звонким одновременно. — Дедушка велел передать. Говорит, не дело мужчине с дороги самому готовить. Тут пирожки и бульон.

Он смотрел на неё и не узнавал.

- Сафие? — выдохнул он, вглядываясь в черты. — Господи, какая же ты большая. Пятнадцать уже?

- Шестнадцатый, — улыбнулась она, и в ямочках на щеках запуталось солнце.

Он взял поднос, их пальцы случайно соприкоснулись. В этот момент Давид понял, что девочка с соседнего двора, которую он когда-то качал на коленях, исчезла. Рядом стояла

девушка, от взгляда на которую у него, морского офицера, привыкшего к любым штормам, вдруг перехватило дыхание.

Давид всегда заживал к Батару Ахметовичу. Помогал. То починить крыльцо, то поправить забор.

И в этот раз зашёл. Они сидели вечером в маленьком дворике, пили чай с чабрецом. Сосед сдал за последние годы.

В один из вечеров Батар Ахметович отозвал его в сторону сада, туда, где когда-то росли иранские розы его покойной жены.

- Давид, сынок, присядь. Поговорить надо. — сосед опустился на скамью. — Ты сколько уже неженатый ходишь? Тридцать пять всё-таки.

- Дядя Батар, — вздохнул Давид, присаживаясь рядом. — Я по полгода в море. Семья такая не для флота.

- Это ты брось. — старик покачал головой. — Я вот на тебя смотрю и вижу. Ты на мою Сафие смотришь уже не как на сиротку-дочку друга. Смотришь как мужчина на девушку. Я слепой, что ли?

Давид дернулся, хотел возразить, но старик остановил его жестом.

- Не перебивай. Я себя надолго не рассчитываю. Сердце шалит. Кости болят. А она у меня одна. Кому достанется, когда меня не станет?

- Дядя Батар, но она же совсем ребенок — глухо сказал Давид, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

- Не ребёнок. Девка на выданье. А ты мужик надёжный. Я знаю. Ты мне сейчас не отвечай. Подумай. Время у тебя есть. Вот в следующий отпуск приедешь — тогда и дашь ответ. Иди.

Давид встал, шагнул прочь, но на пороге своего дома обернулся. В окне соседнего дома, там, где горел свет, мелькнул тонкий силуэт. Сердце офицера, прошедшего не одну морскую кампанию, глухо и сильно ударило в ребра.

Сафие не подслушивала. Честно. Она просто вышла в сад нарвать зелени к ужину, а они сидели на скамейке за кустами одичавших роз, которые когда-то сажала бабушка. Дедушка и Давид. Говорили вполголоса, но вечерний воздух доносил каждое слово.

Она замерла. Замерла так, что перестала дышать. Ветка мяты в руке задрожала мелкой дрожью.

«Ты на мою Сафие смотришь уже не как на сиротку-дочку друга. Смотришь как мужчина на девушку. Я слепой, что ли?»

У Сафие внутри всё оборвалось. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а потом забило где-то в горле, дикое, громкое, такое, что, наверное, было слышно за версту. Она прижала ладонь к груди, пытаясь его унять, но оно не слушалось.

«Я себя надолго не рассчитываю. Сердце шалит. Кости болят. А она у меня одна. Кому достанется, когда меня не станет?»

Она хотела убежать. Провалиться сквозь землю. Закричать: «Дедушка, что ты говоришь!» Но ноги не слушались, а язык присох к нёбу.

«Дядя Батар, но она же совсем ребенок»

Ребёнок. Она ребёнок для него. Сафие почувствовала, как жар ударяет в щёки. Обида? Облегчение? Она не понимала. В голове шумело, как в ракушке, приложенной к уху.

«Не ребёнок. Девка на выданье. А ты мужик надёжный. Я знаю. Ты мне сейчас не отвечай. Подумай. Время у тебя есть. Вот в следующий отпуск приедешь — тогда и дашь ответ. Иди.»

Шаги. Давид встал. Сейчас он пойдёт к калитке. А она стоит здесь, с этой дурацкой мятой в руке, и если он её увидит — умрёт сразу. На месте.

Она метнулась за угол дома, прижалась спиной к тёплой шершавой стене, зажмурилась. Скрипнула калитка. Ушёл.

Только тогда она выдохнула. И тут же задохнулась снова, потому что слова деда вдруг обрели смысл. Настоящий. Тот, от которого кровь прилила к лицу, а в животе сделалось холодно и горячо одновременно.

Она. Сафие. И он. Давид. Друг её погибшего отца. Мужчина, который привозил ей куклы в свои редкие отпуска, когда она была маленькой. Которого она всю жизнь звала на «вы» и «дядя Давид». Который выше ростом любого парня на их улице, шире в плечах, и глаза у него такие, что если посмотрит — всё внутри замирает.

Она вдруг вспомнила, как недавно носила ему пирожки. Как их пальцы соприкоснулись. Как он смотрел на неё — удивленно, словно увидел впервые. А она ведь думала — ну, отвык, давно не видел, я выросла. Глупая. Слепая.

Теперь каждое его движение, каждый взгляд, который она ловила на себе последние дни, проигрывался заново, окрашенный в другие цвета. Как он помогал деду чинить крыльцо и украдкой смотрел в сторону кухни, где она возилась с посудой. Как спросил, какие книги она любит. Как голос у него стал тише, когда он к ней обращался. Господи. Неужели всё это время?..

В школу наутро она шла как в тумане. Подружки щебетали что-то своё, но Сафие их не слышала. Она думала о том, что сказал дед. О том, что Давид будет решать.

- Сафие, ау! — Елена помахала рукой перед её лицом. — Ты чего, влюбилась, что ли?

- С чего ты взяла? — вспыхнула Сафие.

- Да глаза у тебя как у кошки в марте. — Ленка хихикнула и толкнула локтем вторую подружку, Анифе. — Глянь на неё, вся красная.

Анифе посмотрела внимательно, потом перевела взгляд туда, где у школьных ворот маячила высокая фигура в форме. Давид о чём-то разговаривал с директором — видно, заходил по каким-то своим делам.

- Ой, — выдохнула Анифе. — Это же тот офицер, который к вам заходит. Красивый какой, аж жуть. Сафие, он твой родственник?

- Сосед, — выдавила Сафие, чувствуя, как щёки полыхают огнём.

- Сосед? — Ленка прищурилась, разглядывая Давида совсем не по-детски. — С таким соседом замуж надо. Слушай, а он женат?

- Нет, — еле слышно ответила Сафие.

Подружки переглянулись. Анифе, которая была постарше и уже два года как носила под платком сведённые брови, вздохнула:

- Тебе хорошо. Твой дед, говорят, тебя ещё не сосватал. А мне родители уже жениха присмотрели. Из Симферополя, троюродный брат какой-то там. Осенью смотрины. Даже не спросили.

- Зато у тебя всё по правилам, — буркнула Елена. — А меня, если до восемнадцати никто не посватается, сама знаешь что ждёт. Тётка уже полгода твердит: опозоришь род, старая девка.

Они говорили о своём, о девичьем, но Сафие слушала краем уха. Она смотрела, как Давид пожимает руку директору. И думала: вот он, человек, который должен дать ответ. Согласен ли он взять её в жены. Её. Сафие, которой только шестнадцатый пошёл. Которая вчера ещё была девчонкой, бегавшей к тёте Айше учиться печь чебуреки. Которая каждую ночь засыпала под шум моря и не думала ни о каких женихах.

А сегодня думала. Мысли возвращались к этому, как морская волна к берегу. На уроке она рисовала на полях тетради какие-то загогулины и не слышала учительницу. Дома, помогая деду с ужином, роняла ложки. А ночью лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, залитый лунным светом.

Двадцать первый век. Телефоны, интернет, все дела. Но у них, у крымских татар, некоторые вещи не меняются. Дедушка и бабушка вырастили её в традициях, хотя и не заставляли носить платок. Она знала, что такое уважение к старшим, знала, что слово родителей — закон.

Знала и то, что многие её подружки уже обручены, просто не афишируют. Анифе вон невеста почти, хоть и учится ещё. И Ленку скоро начнут сватать, потому что в их семье девушек после школы замуж отдают — и точка. А то и школу закончить не дадут.

А она? Её дед, большое сердце, никого родных, кроме неё. Кто за неё вступится, если что? Кто защитит?

Ответ пришёл сам собой. Тот, кого дед просил стать её мужем.

Сафие зажмурилась, натянула одеяло до подбородка. Щёки горели. Она представила, как Давид входит в дом. Как смотрит на неё не сверху вниз, как на ребёнка, а по-другому. Как она говорит ему «ты» без дурацкого «дядя». Как он кладёт руку на её плечо — тяжелую, мужскую.

Сердце снова пропустило удар. И ещё один.

У неё есть время, чтобы стать взрослой. Чтобы он, приехав в следующий раз, увидел не девочку с косичками, а женщину. Или не увидел? А если он скажет «нет»? Если для него она навсегда останется дочкой погибшего друга, маленькой сироткой, которую жалко?

Мысли путались, сменяя одна другую. То ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда, что она вообще об этом думает. То вдруг становилось легко и страшно одновременно — а вдруг всё это правда? Вдруг он войдет в их дом не как сосед, а как жених?

В окно светила луна, где-то вдалеке шумело море. А Сафие лежала и считала уже дни до его возвращения. До ответа, который решит всё.

## Глава 3

Утро в Севастополе выдалось прозрачным, с лёгким запахом моря и водорослей. Давид увидел — и замер. По пыльной дороге, в тени старых акаций, шли девчонки. Смеялись, толкались, что-то оживленно обсуждали. Три фигурки с рюкзаками за плечами.

Он узнал её сразу. Сафие шла чуть поодаль от подружек, глядя себе под ноги. Тёмные волосы собраны в хвост, тонкая шея, прямая спина. Даже со спины было видно, какая она уже взрослая. И как она старается держаться ровно, хотя, кажется, чувствует его взгляд кожей.

Одна из девчонок — бойкая, рыжеватая — что-то шепнула подруге, и обе уставились в его сторону. Потом захихикали, зашушукались. Сафие дернула плечом, будто отмахиваясь, но не обернулась. Только уши у неё сделались пунцовыми даже отсюда.

Давид усмехнулся, покачал головой. Вот ведь жизнь. Ещё вчера таскал эту малышку на руках, а сегодня подружки её на него пялятся и перешептываются. Глаза у тех двоих — совсем не детские. Оценивающие. Особенно у той, что постарше, с тёмными бровями.

Он отвернулся и посмотрел на школу. Ту самую, где когда-то грыз гранит науки, откуда уходил в Нахимовское. Старое здание из ракушечника, выбеленное известкой, двор с чахлыми пальмами в кадках. Директор, дядька с седой бородкой и хитрым прищуром, увидел его ещё издалека.

- Керимов! Какими судьбами? — распахнул объятия. — Я слышал, ты в отпуске. Заходи, заходи, раз пришёл.

Давид зашёл. Посидели в кабинете, попили чаю, поговорили о жите-бытье. А потом директор прищурился и сказал:

- Слушай, Давид. А выступи перед старшеклассниками? У нас же скоро выпуск, экзамены. Мечутся пацаны, не знают, куда податься. Кто в институт, кто в училища, а кто и в армию боится идти. А ты — живой пример. Из Нахимовки, офицер, на подлодках служишь. Расскажи им про флот, про романтику. И про то, что не только романтика, но и дисциплина. Пусть знают.

Давид хотел отказаться. Не любил он этих разговоров перед публикой. Но Дмитрий Алексич смотрел выжидательно, по-отечески, и отказывать было неудобно.

- Ладно, — кивнул он. — Когда?

- Давай завтра. Организуем.

И вот он стоял на сцене актового зала, перед тремя десятками старшеклассников. Пахло деревом, пылью и юностью. Ребята смотрели кто с любопытством, кто с ленцой, кто с плохо скрываемым скепсисом. Давид привык к таким взглядам. Он поправил китель, в котором пришёл и начал говорить.

- Многие думают, что флот — это море, романтика дальних странствий и бескозырки. — Голос у него был низкий, спокойный, без лишнего пафоса. — На самом деле это работа. Тяжёлая, грязная, опасная. Вас никто не спросит, выпались вы или нет. Вас спросят, исправен ли механизм, на месте ли боезапас, готовы ли вы к бою. А если не готовы — подведут черту коротко и без сантиментов.

В зале стало тихо. Кто-то из парней на заднем ряду перестал крутить телефон.

- Я пришёл сюда не агитировать, — продолжал Давид. — Каждый выбирает своё. Кто-то пойдет в торговлю, кто-то в инженеры, кто-то вообще в курортный бизнес. Но если вы решите пойти на флот — знайте: это навсегда. Даже когда уволитесь, вы будете просыпаться от шума волн и проверять, не сорвало ли лодку с якоря. Это въедается в кровь.

Он говорил просто, без рисовки, и видел, как меняются лица. Кто-то задумался, кто-то согласно кивал. А потом его взгляд скользнул по рядам и наткнулся на неё.

Сафие сидела в третьем ряду, уткнувшись глазами в колени, спрятав лицо. Рядом с ней та самая бойкая подружка толкала её локтем и что-то шептала, но Сафие не поднимала головы. Только плечи были напряжены, а руки вцепились в подол юбки.

Давид на мгновение запнулся. Всего на долю секунды. Но этого хватило, чтобы внутри кольнуло. Что с ней? Стесняется? Боится смотреть? Или просто не хочет его видеть?

Он заставил себя отвести взгляд и закончил выступление как ни в чём не бывало. Рассказал про Высшее Нахимовское училище, про то, какие там требования, про возможность поступить, если есть желание. Ответил на несколько вопросов — про зарплату, про льготы, про подводные лодки, про то, страшно ли на глубине. И всё это время краем глаза ловил её напряжённую фигурку.

Она так и не подняла головы. Ни разу.

После выступления к нему подошли несколько парней, расспросили про экзамены. Давид отвечал, а сам думал о другом. О том, как она сидела, сжавшись в комок, и не смела взглянуть на человека, который, возможно, станет её мужем.

Он вышел из школы, прошёл через двор, мимо всё той же чахлой пальмы. Хотелось одного — дойти до дома, завалиться на кровать и не думать. Но мысли лезли сами.

Встреча с отчимом случилась неожиданно. Александр Иванович, мамин муж, стоял у калитки его дома — видно, ждал. Давно не виделись.

- Здорово, Давид, — отчим протянул руку. — Зайти можно?

- Заходите.

Сели во дворе, под старой шелковицей. Отчим поправил кепку, оглядел дом, будто прикидывая, нужен ли тут ремонт. Потом заговорил:

- Ты надолго в этот раз?

- Две недели. Потом обратно.

- Чего у нас не показался? Мать переживает.

- Собирался на днях.

- Служить долго ещё? Или думаешь до адмирала дослуживаться? — Отчим усмехнулся, но в глазах была серьёзность.

Давид пожал плечами:

- Флот — это надолго. А что?

Отчим вздохнул, потёр переносицу. Руки у него были уже не те, что раньше — чистые, без мазута, но тяжёлые, рабочие. Свой бизнес, рыболовецкий, тоже отдыха не даёт.

- Понимаешь, какое дело... Мы с твоей матерью не молодеем. Я теперь на берегу, при деле, но всё одно — забот хватает. Алсу одна с хозяйством, с Настькой. А сестрёнка твоя растёт. Ей через десять лет в люди выходить. А кто рядом будет? Я, если честно, на тебя надеялся.

Давид молчал, слушал.

- Ты мужик серьёзный, — продолжал Саша. — Я знаю, что у тебя своя жизнь, своя служба. Но семья — она одна. Мать у тебя, сестра. А я... я не вечный. Вон проблемы с давлением. И если что случится, кто за них заступится? Кто Настьку на ноги поставит? Тётки ваши из другого для неё мира. Дедушек, бабушек нет. И получается нет у неё, кроме нас, никого.

Давид поднял голову, посмотрел на отчима. Тот выглядел усталым, осунувшимся. Раньше, когда отчим ходил в море, он казался крепче. А теперь, на берегу, время будто нагоняло его быстрее.

- Вы о чём просите? — спросил Давид прямо.

- Не прошу, — отчим покачал головой. — Говорю, как есть. Ты подумай, сколько ещё будешь по морям ходить. Может, пора и о земном подумать? О доме, о семье. О тех, кто ждёт.

Отчим встал, хлопнул Давида по плечу.

- Ладно, пойду я. Ты заходи, не чужие. И про бизнес мой если что — сам знаешь, всегда работа найдется, если надумаешь на берег вернуться.

Он направился к калитке, где у забора стояла его машина. Мотор завёлся с полтычка, отчим махнул рукой на прощание и уехал, оставив за собой лёгкое облачко пыли.

А Давид остался сидеть под шелковицей, смотрел, как солнце садится в море, и думал. О матери. О сестре.

А ещё он думал о Сафие. О том, как она сидела в зале, спрятав лицо. Скромная. Воспитанная. Батар Ахметович вырастил её правильно — в уважении к старшим, в чистоте. Такая женой будет хорошей, матерью — заботливой. Не загуляет, не предаст, не уйдет, пока муж в море.

Мысль пришла неожиданно и ударила под дых. А ведь старик не просто так затеял этот разговор. Он тоже думает о том, что будет с Сафие, когда его не станет. Кто её защитит, если не Давид? Кому она нужна, сирота, с дедом за спиной?

Только вот согласится ли она сама? Или для неё он навсегда останется «дядей Давидом», соседом, который когда-то возил конфеты?

Вечер опускался на Северную сторону. Где-то лаяли собаки, пахло дымом и морем. Давид сидел, смотрел на соседский дом. Там горел свет в окне. Сафие, наверное, уроки учит. Или помогает деду с ужином. Или просто сидит у окна и смотрит на море, как когда-то делала маленькой девочкой.

Он поднялся и пошёл в дом. Завтра будет новый день. И ещё десять дней отпуска, чтобы решить то, что не решалось годами.

## Глава 4

Ночь выдалась беспокойной. Давид ворочался на скрипучей кровати, смотрел в потолок. Сон не шёл. Мысли крутились вокруг одного — службы. Той самой, которая стала его жизнью много лет назад. Он вспомнил, как впервые ступил на борт подводной лодки. Молодой лейтенант, полный иллюзий. Быстро от них ничего не осталось.

Подводный флот — это особый мир. Туда не каждый попадает, и уж точно не каждый может там остаться. Психологи отсеивают жестко: клаустрофобия, неустойчивая психика, слабые нервы — до свидания. А даже если прошёл все тесты, выдержать способен не каждый.

С его ростом служить было особенно тяжело. В отсеках приходилось постоянно пригибаться, перешагивать через комингсы, вжимать голову в плечи, проходя через переборки. Спина стала иногда беспокоить, но к этому привыкаешь. Ко всему привыкаешь, если выбора нет.

Когда лодка не в походе, начинаются учения. Бесконечные тренировки, отработка нормативов, проверки механизмов. Свободного времени почти не бывает. Зато после похода дают дополнительный отпуск — заслуженная награда за месяцы под водой. Там, в глубине, время течёт иначе. Год идёт за три — это не просто слова. Это организм, который работает на износ, это психика, которая держится на честном слове и чувстве долга.

Давид вспомнил, как всегда старался ходить по лодке. Из угла в угол, по узким проходам, вдоль приборов и трубопроводов. Ноги должны ходить, а сердце — работать. Если остановишься, если позволишь себе замереть — накроет. Мысли поползут тяжёлые, липкие. Начнешь жалеть себя, вспоминать берег, дом, тех, кто остался наверху. А этого нельзя. Под водой некогда жалеть. Под водой нужно быть машиной — надёжной, безотказной, спокойной.

Он не рассказывал об этом ребятам, перед которыми выступал в школе. Да и никому вообще. Потому что была одна простая причина: он ни разу не пожалел о своем выборе. Ни разу за двадцать лет. Флот стал ему домом, семьёй, жизнью. И если бы пришлось выбирать снова, он бы выбрал то же самое.

Но сейчас, лёжа в темноте, Давид впервые позволил себе мысль, которая раньше не приходила в голову: а может, хватит? Семьи не завёл. Не стремился. Не встретил молоденьким лейтенантом любовь. А потом, насмотревшись на развалившиеся семьи сослуживцев, отодвинул мечту о семье на задний план. Да и вообще под водой легче служить, зная что твои дети сиротами не останутся. А теперь? Может он уже выработал своё? Отходил под водой тринадцать лет. По береговым меркам тридцать девять лет стажа. Пора и честь знать. С другой стороны — что он будет делать на берегу? Кем станет? Рыбу ловить с отчимом? Охранять кого-то? Сидеть в четырех стенах и смотреть, как жизнь проходит мимо? От одной этой мысли внутри всё сжималось.

Мысли перекинулись на другое. На разговор с Батаром Ахметовичем. На Сафие, которая сегодня сидела в зале, уткнувшись в колени, и не смела поднять глаза. На отчима с его тревогой о будущем. На мать, которая нашла своё женское счастье, но не перестала быть для него мамой, на маленькую Настю.

Всё сходилось в одну точку. Берег звал. Требовал ответа. А Давид не знал, что ответить.

Под утро он провалился в тяжёлый сон без сновидений, а проснулся оттого, что солнце било прямо в лицо через незанавешенное окно. Часы показывали половина девятого.

Давид сел, потёр лицо ладонями. Голова была чугунной, тело ломило, будто он не на кровати спал, а на голой палубе в шторм. Но привычка вставать по распорядку взяла своё.

На скорую руку позавтракал — яичница с помидорами, крепкий чай, пара бутербродов. Потом достал из шкафа парадную форму. Китель сидел идеально, брюки отутюжены, фуражка

— как новая. Давид привык к форме, она была ему родной. Но сегодня, надевая её, он поймал себя на мысли, что делает это в последний раз? Или нет? Отогнал мысль.

Перед выходом задержался в прихожей, глянул на себя в мутное старое зеркало. Из стекла смотрел капитан второго ранга — широкоплечий, кареглазый, с жесткими складками у губ. Тот самый «жгучий мачо», за которым, по слухам, женщины готовы бежать на край света. Только в глазах — усталость и вопрос, на который нет готового ответа.

Он вышел, сел в старенькую «Ниву», оставшуюся от деда, и поехал в магазин. Не идти же к матери с пустыми руками. Алсу Юртеровна хоть и не ждёт подарков, а всё равно приятно. Да и Настьке что-нибудь захватить надо.

В магазине он бродил между рядами, выбирая, и поймал себя на том, что автоматически тянется к сладостям, которые когда-то покупал для маленькой Сафии. Зефир в шоколаде, конфеты «Кара-Кум», вафли. Усмехнулся, положил обратно. Не маленькая уже. Да и не ей везёт.

Для матери взял хороший чай и коробку рахат-лукума, для Насти — большую шоколадку и мягкую игрушку, смешного тюленя. Отчиму хороший коньяк. Расплатился, вышел на улицу, сел в машину. Давид завел мотор и тронулся, чувствуя, как внутри нарастает странное напряжение. Сейчас он увидит мать, сестру, поговорит с Александром Ивановичем. Обычный семейный визит. Ничего особенного.

Только почему-то сердце билось чаще, чем нужно.

Мать встретила его с распростертыми объятиями. Алсу Юртеровна, несмотря на годы, оставалась той же — невысокая, стремительная, с живыми чёрными глазами и копной тёмных волос, в которых лишь изредка поблескивала седина. Она выскочила на порог, едва слышав шум мотора, и через секунду уже прижимала сына к себе.

- Давид! Давидушка! — голос её дрогнул. — Сколько можно пропадать? Я уж думала, когда дождусь.

Он обнял мать, чувствуя, как привычно сжимается сердце. Сколько бы лет ни прошло, а в материнских объятиях он снова становился мальчишкой, которого когда-то оставили деду с бабушкой.

- Здравствуй, мам.

Из-за юбки матери выглядывала Настька — восемь лет, худенькая, тёмненькая, в мать. Смотрела на старшего брата во все глаза, чуть испуганно и восхищенно сразу. Форма, фуражка, рост — для неё он был почти небожителем.

- Насть, иди сюда, — Давид присел на корточки, раскрыл сумку. — Это тебе.

Девочка робко взяла шоколадку и тюленя, прижала к груди, уткнулась носом в мягкую игрушку. Потом вдруг кинулась ему на шею и повисла, обхватив тонкими ручонками.

- Ты надолго? — спросила она шёпотом, прямо в ухо.

- На две недели, малыш. Будем видеться.

Алсу Юртеровна всплеснула руками:

- Что на пороге стоять? Заходи в дом, заходи! Я чебуреков напекла, как узнала, что ты в городе. Саша сказал, что видел тебя.

Они прошли в дом. Давид огляделся — уютно, чисто, пахнет выпечкой и геранью на подоконниках. Мать хлопотала у стола, накрывала, приговаривала, расспрашивала. Настька сидела рядом, не выпуская тюленя из рук, и слушала, как брат рассказывает про Север, про лодку, про то, что у них там даже свой маленький камбуз есть и кок готовит не хуже мамы.

Время летело незаметно. Уже и пообедать успели, и чаю напиться с теми самыми чебуреками, и про Настину школу поговорить, и про тёток, старших сестёр матери, которые жили своими семьями и навещались редко. Давид сидел, слушал, кивал, а сам краем глаза поглядывал на часы. Отчим должен был скоро вернуться с работы.

Он появился ближе к вечеру. Во дворе хлопнула дверца машины, тяжёлые шаги прогудели по крыльцу, и в комнату вошёл Александр Иванович — высокий, чуть грузноватый, с

сединай на висках и цепким взглядом человека, привыкшего командовать. Увидел Давида, кивнул довольню:

- А, уже здесь. Добрый вечер.

- Здравствуйте, Александр Иванович, — Давид поднялся, пожал протянутую руку.

Отчим прошёл к столу, мать сразу засуетилась, наливая ему чай. Настя, увидев отца, перебралась поближе, но тюленя не выпустила.

- Сиди, сиди, — Отчим махнул рукой Давиду, опускаясь на стул. — Рассказывай, как дела. Говорят ты до школы выступать ходил.

- Было дело, — Давид усмехнулся. — Быстро слухи разлетаются. Директор попросил.

- Дело хорошее, — одобрил отчим. — Молодежь надо ориентировать. А то вырастают — ни моря не знают, ни неба, одни телефоны в голове.

Поговорили о том о сём. Александр Иванович расспрашивал про службу, про Север, про то, как там сейчас с довольствием и жильем. Давид отвечал спокойно, без жалоб и прикрас. Мать слушала, вздыхала.

Наконец, когда Настю отправили делать уроки, а Алсу Юртеровна вышла на кухню мыть посуду, Александр Иванович отодвинул чашку и посмотрел на пасынка серьёзно.

- Давид, я вчера не просто так заезжал. Разговор у меня к тебе есть. Деловой.

Давид кивнул, приготовился слушать.

- Ты знаешь, у меня своя фирма, рыболовецкая. Несколько судов, бригада, заказы. Дело идёт, но есть одна проблема. — Отчим потёр подбородок. — Механиков толковых не хватает. То пьют, то запчасты воруют, то технику гребят. Глаз да глаз нужен. А мне самому уже тяжело по всем точкам мотаться. Здоровье, сам понимаешь, не то.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

- Я вот что предлагаю. Ты человек военный, к порядку привыкший, в технике соображаешь. Приходи ко мне главным механиком. Будешь курировать все суда, следить за состоянием, ремонтом, запчастями. Чтобы работало, не ломалось, люди не пили. Ну и зарплата, сам понимаешь, достойная.

Давид слушал, не перебивая.

- А там, — продолжил Александр Иванович, — поглядим. Если дело пойдет, со временем и своё место тебе отдам. Мы же одна семья. Кому, как не тебе, хозяйство передавать? Настька маленькая ещё, да и девчонка — не её это. А ты мужик, с головой, с руками. Я спокоен буду.

Отчим замолчал, глядя на Давида выжидающе. В комнате стало тихо, только из кухни доносился плеск воды и негромкое бормотание матери.

Давид посидел, обдумывая услышанное. Предложение было неожиданным, но, если честно, не таким уж и странным. Он сам вчера думал о том, как уходить в никуда. И о том, что делать на берегу — не представлял. А тут дело, семья, перспектива.

- Александр Иванович, — сказал он наконец. — Спасибо за доверие. Честно скажу — не ожидал. Дайте время подумать. У меня ещё отпуск, служба, рапорт писать надо, если что. Я взвешу всё.

- Конечно-конечно, — отчим согласно кивнул. — Думай. Сколько надо, столько и думай. Но имей в виду — место я никому другому не отдам. Тебя жду.

Они ещё посидели, попили чаю, поговорили о рыболовецких делах. Давид рассказал пару историй с флота, Александр Иванович — про то, как однажды в шторм чуть судно не потерял. Вечер прошёл мирно, по-семейному.

Когда Давид собрался уходить, мать снова обняла его, заглянула в глаза:

- Сынок, ты приезжай чаще. Я скучаю. И Настька по тебе скучает. А про Сашино предложение... ты подумай хорошо. Мы ведь тебя любим, ты наш. Всегда был. Дедов дом ждёт тебя.

Давид поцеловал мать в макушку, потрепал по голове выбежавшую попрощаться Настьку, пожал руку отчиму и вышел.

Смеркалось. Он сел в «Ниву», завёл мотор и поехал к себе, на Северную сторону. В голове был полный сумбур. С одной стороны — флот, которому отдано тринадцать лет. С другой — здесь мать, сестра, отчим с делом. И ещё Сафие. Которая, кажется, ждёт чего-то. Сама ещё не понимая, чего именно.

Дома его ждала тишина. Давид прошёл в комнату, сел на скрипучую кровать и долго смотрел в стену. Думал.

## Глава 5

Ночь снова выдалась беспокойной, но теперь Давид ворочался не от мыслей о службе. Он думал о Сафие. О том, как зайдет к Батару Ахметовичу, что скажет, как посмотрит в глаза соседу, доверившему ему самое дорогое. Под утро провалился в тревожный сон, а проснулся оттого, что солнце уже всю заливало комнату.

Вскочил, глянул на часы — половина восьмого. Успеваает.

Он встал у окна, отодвинув край занавески, и стал ждать. Сердце билось ровно, но где-то в глубине живота тянуло странным холодком — не страх, нет, скорее волнение, как перед выходом в море, когда знаешь, что обратной дороги нет.

Она появилась ровно в без четверти восемь. Вышла из калитки соседского дома в школьной форме, с рюкзаком за спиной, и пошла по пыльной дороге. Одна сегодня — видно, подружки её не дождалась или ушли раньше. Шла медленно, задумавшись, глядя под ноги. Тёмные волосы собраны в аккуратный хвост, изящная фигурка, прямая спина.

Давид смотрел на неё и думал: совсем ещё девчонка. Тоненькая, хрупкая. Но глаза у неё уже не детские — он запомнил этот взгляд, когда она принесла ему пирожки в первый день. Глубокий, тёмный, с поволокой. Такие глаза бывают у женщин, а не у детей.

Она скрылась за поворотом, и Давид ещё постоял у окна, собираясь с мыслями. Потом решительно шагнул к выходу.

Батар Ахметович сидел во дворе, в той же позе, что и в день разговора, — на скамейке под старой айвой. Увидел Давида, прищурился, и в глазах мелькнуло что-то — то ли вопрос, то ли надежда.

- Заходи, сынок, присаживайся, — кивнул сосед.

Давид сел рядом. Помолчал, собираясь с духом. Потом заговорил — спокойно, твёрдо, как докладывал командиру на флоте.

- Дядя Батар, я подумал над вашими словами. И вот какое моё решение. Я возьму Сафие в жены. Когда ей исполнится восемнадцать.

Сосед вздохнул — то ли с облегчением, то ли сдерживая что-то. Кивнул, не перебивая.

- Но сразу скажу: у меня служба. Я ещё раз уйду в поход, скорее всего. А там буду решать с рапортом. Александр Иванович, отчим мой, предложил мне место у себя в фирме. Я соглашусь, но по флоту нужно всё оформить.

Он помолчал, глядя на море, которое синело в просветах между крышами.

- И ещё. Если с вами что случится раньше срока, Сафие не останется одна. Я поговорю с матерью, с отчимом. У них она будет под присмотром, пока не станет совершеннолетней и мы не сыграем свадьбу. Даю вам слово.

Батар Ахметович слушал, не сводя с Давида глаз. Потом медленно кивнул, и в уголках его губ дрогнула улыбка — редкая, почти забытая.

- Верю, сынок. Ты человек слова. — Он положил тяжелую ладонь на руку Давида. — Спасибо. Спокойно мне теперь будет.

Они ещё посидели молча, глядя на море. Потом старик спросил:

- Когда к матери пойдешь?

- Сегодня. Надо сказать им, договориться о вечере.

- Хорошо. Мы будем ждать.

Давид поднялся, пожал старику руку и вышел. На душе было странно — легко и тяжело одновременно. Легко — потому что решение принято, выбор сделан. Тяжело — потому что теперь это решение надо было воплощать в жизнь.

К матери и отчиму он поехал сразу, не откладывая. Александр Иванович был на месте — разбирал бумаги в своём небольшом кабинете, который устроил в пристройке к дому. Алсу Юртеровна хлопотала по хозяйству.

Давид зашёл, поздоровался, сел напротив отчима.

- Александр Иванович, я по поводу вашего предложения. Решил.

Отчим отложил ручку, посмотрел внимательно.

- Слушаю.

- Я согласен. Приду к вам главным механиком, как только решу вопросы со службой. Но сразу предупреждаю: надо передать дела, оформить рапорт, найти замену. По-другому нельзя — я не могу бросить экипаж, не закончив службу.

Александр Иванович кивнул, и в глазах его мелькнуло одобрение.

- Правильно понимаешь. Дело не волк, в лес не убежит. А служба есть служба, я уважаю. — Он протянул руку через стол. — Добро пожаловать в команду, Давид. Рад, что ты с нами.

Они пожали руки. Алсу Юртеровна, услышавшая разговор из кухни, выбежала, всплеснула руками и кинулась обнимать сына.

- Сынок! Как я рада! Теперь ты рядом будешь! А то всё море да море, а мать одна Я боюсь. А вдруг когда-нибудь не вернёшься.

Давид обнял её, чувствуя, как у самого защипало в глазах. Потом отстранился и сказал:

- Мам, у меня ещё одна новость. Я сегодня к Батару Ахметовичу ходил. Буду свататься к Сафие.

Мать замерла. Даже Александр Иванович, обычно невозмутимый, поднял брови.

- К Сафие? — переспросила Алсу Юртеровна. — К соседской? К дочке Рефата?

- Да. Я дал слово дяде Батару, что возьму её в жены, когда ей исполнится восемнадцать. И что, если с ним что, она не останется одна. Вы не оставите её, пока меня нет.

Мать смотрела на него, и в глазах её мелькало что-то сложное — удивление, растерянность, а потом вдруг тепло.

- Девочка хорошая, — сказала она тихо. — Мама моя её учила хозяйству. Скромная, работящая. Только молоденькая очень.

- Я подожду, — ответил Давид просто.

Александр Иванович хмыкнул, но промолчал. А мать вдруг улыбнулась:

- Ну что ж Значит, сегодня вечером идём?

- Идём. Я при параде. Вы со мной.

К вечеру Давид облачился снова в парадную форму, с наградами, при кортике. Смотрелся внушительно. Мать надела лучшее платье, Александр Иванович — строгий костюм. Настьку оставили с соседкой.

К дому Меметовых подошли, когда уже смеркалось. В окнах горел свет, и Давид заметил тень, мелькнувшую за занавеской. Сафие ждала. Или пряталась — он не понял.

Батар Ахметович встретил их у калитки. Поздоровался, пригласил в дом. В гостиной было чисто прибрано, на столе — угощение, как полагается по обычаю. И Сафие.

Она стояла у окна, потупив взгляд. На ней было скромное светлое платье, на голове платок. Щёки пылали таким ярким румянцем, что, казалось, освещают всю комнату.

Давид вошёл, снял фуражку, поклонился соседу. Сел за стол, мать и отчим рядом. Батар Ахметович начал разговор — неторопливо, с долгих приветствий и пожеланий здоровья. Сафие стояла, не двигаясь, и только пальцы тербели платье.

Давид смотрел на неё и видел, как дрожат её ресницы. Как она кусает губы, чтобы успокоиться. Как румянец заливает не только щёки, но и шею.

Он заговорил — спокойно, уверенно, глядя на Батара Ахметовича, но каждое слово предназначалось ей.

- Дядя Батар, я пришёл с честным намерением. Прошу руки вашей внучки Сафие. Знаю, что она молода, и готов ждать, сколько потребуется. Даю слово офицера, что буду ей мужем верным, защитой и опорой.

Сафие вздрогнула, будто её ударило током. Щёки вспыхнули ещё ярче, она подняла глаза на миг — всего на миг — и встретила взглядом с Давидом. В этом взгляде было столько всего, что у него самого перехватило дыхание. Испуг, смущение, надежда и что-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

А потом она не выдержала. Рванулась с места, прижав ладони к пылающим щекам, и выбежала из комнаты. Только дверь в свою спальню хлопнула.

В гостиной повисла тишина. Батар Ахметович крякнул, пряча улыбку. Алсу Юртеровна всплеснула руками, но тоже улыбнулась. А Александр Иванович хмыкнул в усы и незаметно подмигнул Давиду.

- Стеснительная, — сказала мать тихо. — Хорошая примета.

Батар Ахметович кивнул и протянул руку Давиду:

- Добро, сынок. Ждём. А пока — будь как родной.

Когда Давид вошёл в дом Меметовых, он нёс на себе не только форму офицера и твердость принятого решения. Он нёс в себе память о доме, где вырос. О деде Юртере, который каждую пятницу расстилал молитвенный коврик и шептал суры из Корана. О бабушке Айше, которая учила его, маленького, говорить «бисмиллях» перед едой и не брать свинину, даже когда в детском саду кормили котлетами.

Давид не был мусульманином. Мать настояла на своём, и в мечеть он не ходил. Но он был плотью от плоти этой земли, этого дома, этих людей. И когда Батар Ахметович завёл разговор о сватовстве, Давид понял сразу: здесь нельзя просто прийти и сказать «я женюсь на вашей внучке». Здесь нужно сделать всё как положено. Не для Аллаха — для соседа. Для уважения к традиции. Для Сафие, которая выросла в этом укладе.

Поэтому, собираясь к Меметовым, он не просто надел парадную форму. Он достал из дедовского сундука то, что хранилось там много лет, — свёрток, перевязанный бечёвкой. Бабушка Айше когда-то сказала:

- Это для твоей невесты, внук. Если доживу — отдашь при мне, а если нет — пусть лежит до срока.

В свёртке оказались золотые серьги — старинные, с бирюзой, тонкой работы. Бабушкины. И деньги — ровно столько, сколько полагается на задаток за невесту по обычаю. Давид добавил своих, чтобы вышло достойно.

Давид встал, поклонился старику и развернул свёрток. Заговорил — спокойно, уверенно, глядя на Батара Ахметовича.

- Дядя Батар, я знаю, что я не мусульманин. Перед Аллахом я не проходил того, что проходят ваши мужчины. — Он говорил спокойно, глядя старику прямо в глаза. — Но я вырос в доме, с дедом Юртером и бабушкой Айше. Я ел ваш хлеб, пил ваш чай, учился вашим обычаям. И если вы позволите мне войти в вашу семью, я хочу войти так, как положено. С уважением к вам, к вашей вере, к памяти тех, кто меня вырастил.

Он положил на стол серьги и деньги.

- Это — от бабушки Айше. Она берегла их для моей невесты. А это — мой задаток. По обычаю. Чтобы все знали: я пришёл с честным сердцем и чистыми намерениями.

В горнице стало тихо. Батар Ахметович смотрел на серьги — бирюза мерцала в свете лампы, золото тускло поблескивало. Руки старика дрогнули, когда он потянулся к ним.

- Айшины, — сказал он тихо. Голос его прервался, и он помолчал, собираясь с мыслями. — Я помню, она их носила на свадьбе у твоей матери. Красивая была женщина... — Он поднял глаза на Давида, и в них блеснула влага. — Айше и Юртер мечтали, чтобы я вырастил для тебя невесту. Говорили: «Батар, ты присмотри за девкой, а Давид наш к ней и приглядится». Они

это задумали, ещё когда она малой бегала по двору. Я тогда смеялся, думал — шутят. А они, выходит, судьбу вашу видели.

Старик сжал серьги в ладони, покачал головой.

- Вот и сбылось. Через годы, через всё. Айшины серьги теперь твоей жене носить.

Он протянул руку Давиду — сухую, горячую, с набухшими венами.

- Будь как сын,

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.